

УДК 811.161.1' 373.612

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ КАК КАЧЕСТВО РЕЧИ И РЕСУРС ЯЗЫКА

Семиколенова Е. И.

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь

В статье анализируются ресурсы выразительности, наиболее характерные для русского языка, что определяется его историческим развитием, фонетическими свойствами, особенностями словообразования и грамматики. Наиболее существенными среди них являются фонетические, лексические, словообразовательные средства.

Ключевые слова: выразительность речи, выразительность языковых средств, лексика, словообразование, грамматика.

Постановка проблемы. Среди качеств хорошей речи лингвисты выделяют правильность, чистоту, точность, логичность, богатство, уместность, выразительность. Правильность речи определяется как «соответствие её языковой структуры действующим языковым нормам», «чистой называется такая речь, в которой нет чуждых литературному языку слов и словосочетаний и элементов языка», «логичность речи связана с синтаксической организацией как высказывания, так и текста», богатая речь предполагает «максимально возможное насыщение ее разными, не повторяющимися средствами языка», уместность речи «заключается в таком подборе, такой организации средств языка, которые делают речь отвечающей целям и условиям общения» [11, с. 20]. В этих дефинициях дается характеристика самих качеств речи, отражаются наиболее существенные их признаки. Однако в этот ряд мы не можем включить определение выразительности, ибо оно построено на других основаниях.

Как известно, Б.Н. Головин считал, что «выразительностью речи называют такие особенности ее структуры, которые *поддерживают внимание и интерес у слушателя; ... позволяют усилить впечатление от сказанного (написанного), воздействовать не только на разум, но и на чувства, воображение* [2, с. 182]. В данном случае характеризуется не само качество речи, а ее влияние на слушателей, способность привлечь внимание тех, к кому она обращена. Эта мысль находит поддержку в работах многих лингвистов: выразительность как «*свойство речи обращать на себя внимание и запоминаться*» [18, с. 126]; как «*способность текста привлекать внимание своей речевой организацией*» [19, с. 215]; «*привлекать внимание собеседника и удерживать его на всем протяжении этой речи*» [10, с. 12].

Однако в некоторых дефинициях все же предпринята попытка охарактеризовать само понятие выразительности. В таком случае это качество речи определяют как синоним экспрессивности; [8, с. 88]; как «*способность ... речи «хорошо», «ярко» выразить что-нибудь*, [10, с. 12]. Сравним с дефиницией в Большом толковом словаре: **ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЙ**, –ая, –ое; –лен, –льна, –льно. 1. Живо, ярко отражающий внутренне состояние, переживания, характер живо, ярко выражающий мысли и чувства [1]. Но что значит «живо, ярко»? Такое эмоциональное определение допускает самое широкое прочтение. Как добиться выразительности речи? На этот вопрос

также даются довольно неопределенные ответы: «с помощью различных речевых средств» [9, с.29]; с помощью «приемов использования языка [15, с.29].

На наш взгляд, это происходит потому, что выразительность речи – понятие многоплановое. Это совокупность особенностей речи, прежде всего точности, логичности, ясности, экспрессивности, которые зависят от многих причин и условий как собственно лингвистических, так и экстралингвистических. В речи средством выразительности способна стать любая единица языка всех его уровней (даже отдельный звук), а также невербальные средства (жесты, мимика, пантомимика).

Но в первую очередь выразительность речи определяется хорошим знанием языка, его ресурсов, его выразительных возможностей и особенностей функциональных стилей. Какие именно средства придают русскому языку выразительность, делая его «гибким, легким, способным к выражению важнейших чувствований» (Д.Р.Державин)?

Современный русский язык обладает богатым репертуаром выразительных средств. Среди них называют средства словесной образности: метафоры, метонимии, эпитеты, сравнения, синекдохи; лексические оппозиции синонимов, антонимов, омонимов, паронимов; как важнейший источник выразительности рассматривают фразеологию; широко используются возможности морфологии и синтаксиса, весьма разнообразны средства словообразования, важную стилистическую роль играют префиксы и суффиксы [6, с. 689 – 690]. Однако сказать обо всем – это сказать ни о чем. Ведь почти все перечисленное может быть в той или иной степени отнесено к любому современному языку. Значительно важнее, по нашему мнению, среди всего названного выявить ресурсы выразительности, наиболее характерные именно для русского языка, определяемые его историческим развитием, фонетическими свойствами, особенностями строения слова и грамматики, что мы сформулировали как *цель данной статьи*.

Качества выразительности в русском языке передаются средствами, принадлежащими различным языковым уровням: фонетическому, лексическому, словообразовательному, грамматическому.

1. Фонетический уровень. Благозвучие русской речи характеризуется прежде всего определенным соотношением гласных и согласных звуков почти в каждом речевом отрезке. В результате исследования разных стилей русского языка ученые показывают, что в среднем русской речи гласные звуки составляют 42,35%, а согласные – 57,65%. Достаточно высокий процент гласных звуков, а также преобладание среди согласных «музыкальных звуков», а именно сонорных и звонких согласных, составляющих по отношению к шумным глухим согласным почти 75%, определяют красоту и мелодичность русской речи [12, с. 43–44].

С.П. Обнорский отмечал, что одна четвертая часть слов русского языка имеет в своем составе сонорные звуки [л], [м], [н], [р], [л'], [м'], [н'], [р'], что делает русский язык музыкально красивым. Это выразительное свойство языка с всей полнотой используется русскими поэтами. Например, Сергей Есенин в цикле стихотворений «Персидские мотивы» «обыгрывает» те или иные сонорные звуки, имеющие высокую звучность.

В ХоРосане есть такие двеРи,
Где обсыпан Розами поРог.
Там живет задумчивая пеРи...
В ХоРосане есть такие двеРи,
Но откРыть те двеРи я не мог.

* * *

Я спросиЛ сегодня у меняЛы,
Что дает за полТумана по рубЛю,
Как сказать мне для прекрасной ЛаЛы
По-персидски нежное «ЛюбЛю»?

2. Лексический уровень. Необычайно богатыми выразительными возможностями обладает русская лексика. Словарный состав русского языка исчисляется сотнями тысяч слов, используемых «не только для высокого красноречия, для громкой живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности» (Н.М. Карамзин). В нем отражается исторический опыт нации, ее духовная культура, система ценностей, эмоциональная память, оценка определенных типов и эталонов человеческого поведения.

Своеобразие русской лексики выражается в особенностях формирования переносных (метафорических) значений. Например, одна из характерных ее черт – использование слов со значением «животное, рыба, птица, насекомое» в качестве экспрессивной характеристики человека. В русском языке зоонимы представляют собой открытый ряд, насчитывающий более 200 единиц: *лев, баран, петух, карась, щука, ворона, таракан*. В метафорическом значении они становятся признаковыми, описывая внешность: *лошадь, обезьяна, павлин, корова, слон, цапля*; характер: *петух, крыса, тюлень, ерш, петух, бирюк*; поведение: *кукушка, свинья, лиса, сорока, зверь*; род занятий: *жучок, легавый, ищейка, крот*. Такая лексика занимает значительное место в сознании носителей русского языка [5, с. 13].

Следует отметить, что слова такого рода не закрепляются в нашем языковом сознании разрозненно. Многие зоонимы становятся мотиваторами для целой группы глаголов поведения: *сова – советь, лиса – лисить, петух – петушиться, обезьяна – обезьянничать, еж – съежиться, ворона – проворонить, попугай – попугайничать*; для адъективных словосочетаний разной степени связанности: *черепаха – черепаший шаг, еж – ежовые рукавицы, мышь – мышьяная возня, петух – петуший задор, осел – ослиное упрямство, собака – собачий нюх, собачий холод; крыса – канцелярская крыса, волк – газетный волк, морской волк, кошка – драная кошка, курица – мокрая курица, слепая курица* и т.п. Они входят в состав многих сотен фразеологизмов, пословиц, поговорок: *купить kota в мешке, кот из дома – мышья в пляс, пороссятам хвосты мыть, конь еще не валялся, слон в посудной лавке, сорока на хвосте принесла, знает кошка, чья мясo съела* и т.п. [14, с. 16]

Метафорическая лексика, о которой идет речь, образует фреймы особой структуры. В таком фрейме представлены имя, глагол, связанные сочетания, фразеологизмы, пословицы и поговорки. По мнению Ч. Филлмора, большинство слов «обра-

зует группы, каждую из которых лучше изучать как единое целое, потому что каждая группа является лексическим представлением некоторой единой схематизации опыта или некоторого знания» [17, с. 54]. Приведем примеры:

КОРОВА Ты очень растолстела, настоящая *корова!* (о полной, грузной женщине)

Вот *корова*, опять весь чай на себя вылила (о неповоротливой женщине)

Коровий взгляд

Дойная *корова*

Священная *корова*

Как *корова* жевала

Как на *корове* седло

Как *корова* языком слизала

Чья бы *корова* мычала [13, с. 88–91; 5, с.101–103].

ВОРОНА Опять все проглядел, *ворона!* (о невнимательном, рассеянном человеке)

Проворонить

Белая *ворона*

Пуганая *ворона* (куста боится)

Ворона в павлиньих перьях

Считать *ворон*

Залетела *ворона* в высокие хоромы [13, с.71–73; 5, с. 92].

«Звериные метафоры» (термин Л.А.Капанадзе) [3, с.152] – яркая примета современной публицистики: *капиталистические акулы, акулы пера, идеологические ищейки, рабочие лошадки, одинокие волки* (о мелких предпринимателях), *ценки-журналисты*.

- Но сегодня Госкино не то. Такие *киты*, как «Мосфильм» и «Ленфильм», разваливаются на глазах.
- Приехав в 1949 году с Украины и оказавшись среди таких *волкодавов*, как Молотов, Маленков, Каганович... Хрущев, конечно же, выглядел провинциалом.
- Станет ли «ельцинский *жеребенок*» правительственным *рысаком*?¹

Зоонимы вдохновили известного журналиста В.Пескова на создание поэтического эссе «Зеркальца нашей природы»: Трогательные образы, обращаясь к природе, находят люди для своих малышей. «*Спит, как сурок*», скажет мать о спокойном своем сынишке. «*Ну, Ежик, не ершишь, будем купаться*», «*Воробушек ты мой...*» Повзрослевшего будут ласково называть *Зайчик*, а проказницу-дочку – *Стрекоза*. Все точно, все в соответствии с обликом и повадками братьев наших по жизни. Увы, не из всех *Зайчиков* и *Стрекоз* вырастут *Орлы* и *Лебедушки*. Бывает, глядя на человека, вспомнишь вдруг *индюка, шакала, жука, барана* или вдруг скажешь: «*Ну и гусь...*». Се – ля – ви! (Песков В. М. Окно в природу: Книга 1. – М.: Терра, 2007).

¹ Газета «Комсомольская правда в Украине». Материалы разных лет из картотеки автора.

3. Словообразовательный уровень. Выразительность русскому слову придают богатые словообразовательные возможности, среди которых: «прозрачная» структура русского слова (префикс, корень суффикс, окончание), разнообразный репертуар словообразовательных морфем (более 500 суффиксов и около 70 префиксов), большое количество высокопродуктивных моделей, «матрешечный» принцип формирования словообразовательных цепочек: *голос – голосок – голосочек; тянуть – вытянуть – вытягивать – вытягивать – понавытягивать*.

Н.Г. Чернышевский в работе «О словопроизводстве в русском языке» (1854) говорил о «решительном превосходстве русского языка над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства». И далее следует вывод: «... эти бесконечно разнообразные изменения глаголов посредством видовых окончаний и предлогов (префиксов – Е.С.) с единственной целью определить *способ*, каким происходит действие, придают русской фразе живость и определенность, которая в большей части случаев не может быть выражена в других языках» [Цит. по 11, с.191–192].

В.Г.Белинский по этому же поводу писал: «Русский язык необыкновенно богат для выражения явлений природы... В самом деле, какое богатство для изображения явлений естественной действительности заключается только в глаголах русских, имеющих виды! *Плывать, плыть, приплывать, приплыть, заплывать, отплывать, заплыть, уплыть, наплыть, подплыть...*: это все один глагол для выражения двадцати оттенков одного и того же действия» [Цит. по 11, с. 192].

В последнее время в публицистике несомненный интерес вызывает префикс *недо-*, о чем свидетельствует появление новообразований *недорассчитать, недоулыбнуться, недорассмеяться, невыполоть, недоизжить, недоизобразить, недопоказать, недоосвоить, недокараулить, недоушить, невыдать, недосжечь, недомотать* [4] и даже *недоперепить*. Ср.: В обычный будний день «оливье» вряд ли закажут в кафе или ресторане. Но в ночь с 31-го на 1-е тарелка такого салата обязательно должна стоять на столе - хотя бы в качестве подушки безопасности для того, кто *недоперепил* (Бульвар Гордона. – 2013. – № 2 (402). – С.2).

М. Эпштейн рассматривает *недо-* как понятие и культурный символ: «*Недо* – это неразрывное сочетание порыва («до») и обрыва («не»). Порываясь к некоему результату, действие обрывается в ходе самого порыва прежде, чем он достигнет цели и воплощения... В русской культуре сложение мифов об известных личностях, которые по разным причинам не смогли выразить себя, не завершили свои замыслы, создается с помощью префикса *недо-*: «Известный человек становится мифом... когда *недожил, недописал, невыразил* себя, – так, во всяком случае, мы чувствуем о нем и за него» [21].

Префикс *недо-* настолько семантически выразителен, что становится самостоятельной единицей: «Я родилась *недовыявленной* и ухожу из жизни *недопоказанной*. Я *недо...* И в театре тоже» (Щеглов Алексей. Фаина Раневская: вся жизнь. – М.: Захаров, 2008. – С. 268).

Основным базовым, и наиболее регулярным словообразовательным средством, по мнению В.В.Лопатина, являются «субъективно-оценочные» словообразователь-

ные аффиксы. Однако традиционное название этих образований «уменьшительно-ласкательные» – в значительной степени весьма условно. Для них скорее характерна «размытость функциональных очертаний». Создаваемые ими экспрессивные оттенки крайне разнообразны и противоречивы [7, с. 543]. Например, один и тот же суффикс способен вносить противоположные значения (ласкательное или уничижительное): *детишки* – *городишко*, *сестренка* – *бабенка*, *рубашонка* – *газетенка*. Эта лексика наиболее активно функционирует в художественном, публицистическом и разговорном стилях. Особенно активно ее употребление в публицистике последних лет: *провинциальный прокуроришка*, *бульварная газетенка*, *мелкие бизнесменишки*, *темные делишки*, *грязные деньжонки*.

В зависимости от суффикса появляются дополнительные оттенки в нейтральных словах: *река* – *речка*, *реченька*, *речушка*, *речонка*; *город* – *городок* – *городишко*; *спальня* – *спаленка*; *книга* – *книжка* – *книжечка* – *книжонка*; *комната* – *комнатка* – *комнатушка* – *комнатенка*. Примеры:

Тамань – самый скверный *городишко* из всех приморских городов России (М. Лермонтов). *Городок* наш ничего, население таково: Незамужние ткачихи составляют большинство (М.Танич). В голубой далекой *спаленке* твой ребенок опочил, Тихо вышел ангел маленький и часы остановил (А.Блок). Я залетела в Израиль месяца через два после того, как туда отбыла моя дочь Вика... Вот что я застала. Вика жила в крохотной *комнатушке* на первом этаже, небольшой колченогий *диванчик* занимал девяносто процентов полезной площади, окно не закрывалось... <http://www.radionvc.com/ru/>

Экспрессивная функция уменьшительно-ласкательных суффиксов может варьироваться в зависимости от конкретной ситуации высказывания в самых широких пределах. Поэтому ее необходимо рассматривать в широком контексте, при этом обязательно учитывать речевую ситуацию в целом [7, с. 544]. Например, в следующем отрывке существительное *лошадка* (ласк.) характеризует не маленькую лошадь, избранный на обложке книги, а пронзительную любовь мальчика к матери:

Однажды мама сказала, что придет и принесет мне книжку.

– «Я умею прыгать через лужи» называется. *Лошадка* тут какая-то на обложке... - сказала она по телефону.

Слово «*лошадка*» относилось не ко мне, но звучало действительно ласково и очень приятно, а все приятные слова исходили только от мамы... Я запомнил каждое сказанное мамой ласковое слово (Санаев П. Похороните меня за плинтусом. – М.: Астрель, АСТ, 2009. – С. 206 – 207).

Все это свидетельствует о том, что словообразовательные ресурсы русского языка – богатейший материал для дальнейших исследований.

Сказанное дает возможность сделать следующие *выводы*. Изучение выразительности речи и выразительности языка предполагает использование различных подходов и методик. Так, выразительность речи связана с речью адресанта, с его умением пользоваться самыми разнообразными ресурсами языка умело применять их для того, чтобы воздействовать на адресата.

Выразительность языка – это характеристика языковых средств, определяемых его историей, системой и структурой. Например, если говорить о словообразовании,

то «при всем разнообразии функций... словообразовательных средств и размытости их границ в конкретных речевых условиях эти разнообразные функции принадлежат языку, заложены в его системе» [7, с.557]. В русском языке среди выразительных средств, несомненно, самые яркие – словообразовательные средства.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2009. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
2. Головин Б. Н. Основы культуры речи / Б. Н. Головин. – М.: Высш.шк., 1988. – 335 с.
3. Капанадзе Л. А. Способы выражения оценки в устной речи / Л. А. Капанадзе // Разновидности городской устной речи. – М.: Наука, 1988. — С. 151 – 156.
4. Каширина М. М. Префикс недо- как единица морфемики и культурный феномен / М. М. Каширина // Ученые записки ТНУ. – Т.25 (64). – 2012. – № 4. – Часть 2: Филология. Социальные коммуникации.
5. Козлова Т. В. Идеографический словарь русских фразеологизмов с названиями животных / Т. В. Козлова. – М.: Изд-во «Дело и Сервис», 2001. – 208 с.
6. Культура русской речи : Энциклопедический словарь – справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
7. Лопатин В.В. Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста / В. В. Лопатин // Лопатин В. В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – С. 543-559.
8. Матвеева Т. В. Лексическая экспрессивность в языке : [учеб. пособие по спецкурсу] / Т. В. Матвеева. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1986. – 92 с.
9. Педагогическое речеведение. Словарь-справочник / [под ред. Т. А. Ладыженской и А. К. Михайльской; сост. А. А. Князьков]. – изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Флинта, Наука, 1998. – 312 с.
10. Пекарская И. В. Контаминация в контексте проблемы системности стилистических фигур русского языка : автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / И. В. Пекарская. – М., 2001. – 44 с.
11. Плещенко Т. П. Основы стилистики и культуры речи / Т. П. Плещенко, Н. В. Федотова, Р. Г. Чечет. – Минск: ТетраСистемс, 1999. – 240 с.
12. Попов Р. Н. Современный русский язык: учеб. пособие [Электронный ресурс] / Попов Р. Н., Бахвалова Т. В., Константинова Л. А. – Тула : Изд-во Тул.гос. ун-та, 2004. – 180 с. – Режим доступа : http://window.edu.ru/resource/662/67662/files/tula_tsu_021.pdf
13. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
14. Семиколенова Е. И. «Звериные метафоры» как средство выразительности в русском языке / Е. И. Семиколенова // Функциональная лингвистика: Материалы конференции. Ялта 24–28 апреля 1994 г. – Симферополь : Сонат, 1994. – С. 69–70.
15. Солганик Г. Я. Язык и стиль передовой статьи / Г. Я. Солганик. — М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. – 75 с.
16. Тихоненко А. А. Метафоры как «действующие лица» фреймов (на материале русских зоонимов) / А. А. Тихоненко // Когнитивные процессы в языковом общении: Теории и приложения: Доклады. Международная конференция 18 – 23 сентября 1995. – Симферополь, 1995. – С. 65.
17. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С.52–92.
18. Хазагерев Г. Г. Риторика для делового человека / Г. Г. Хазагерев, Е. Е. Корнилова. – М.: Изд-во Флинта, 2001. – 136 с.
19. Хазагерев Т. Г. Общая риторика и Словарь риторических приемов / Т. Г. Хазагерев, Л. С. Ширинина. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1994. – 192 с.
20. Чечет Р. Г. Русский язык : Культура речи / Р. Г. Чечет. – Минск: Высш.шк., 2002. – 286 с.
21. Эпштейн М. Приставка недо- как понятие и культурный символ / М. Эпштейн // Дар слова. Выпуск 18. – Режим доступа : http://old.russ.ru/krug/20030311_dar-pr.html. Проверено 15.10.12.

Семіколенова О. І. Виразність як якість мовлення і ресурс мови / О. І. Семіколенова // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 462–469.

У статті аналізуються ресурси виразності, найбільш характерні для російської мови, що обумовлено її історичним розвитком, фонетичними властивостями, особливостями словотворення і граматики. Найбільш істотними серед них є фонетичні, лексичні, словотворчі засоби.

Ключові слова: виразність мовлення, виразність мовних засобів, лексика, словотвір, граматика.

Semikolenova E. Expressiveness as a Feature of Speech and Language Means / E. Semikolenova // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 462–469.

The paper describes means of expressiveness that are most common in Russian language and that are defined by its historical development, phonetic properties as well as peculiarities of word and grammar structure. The most substantive means of expressiveness are phonetical, lexical and word-forming.

Key Words: expressiveness of speech, expressiveness of language means, lexis, word-forming, grammar.

Поступила в редакцію 24.10.2012 г.